

A photograph of a man and a young girl walking away from the camera on a city street at dusk. The man is on the left, wearing a grey jacket and blue jeans, holding the girl's hand. The girl is on the right, wearing a pinkish-purple patterned coat. The background is a blurred city street with warm lights and a blue car.

ВОЛЧИК

АННА КИР

Анна Кир Волчик

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69549694
SelfPub; 2023*

Аннотация

Жизнь Серёги начинает меняться, когда в ней появляется его племянница.

Анна Кир

Волчик

Дверь в квартиру закрывается. Серёга поворачивается и смотрит на девчонку диковатую лет семи, сжимает маленькую ладонь в своей. И как его угораздило так вляпаться? Ему не то что ребёнка, он сам себе бы и kota не доверил. Но вот Сашка стоит в коридоре его однушки, зыркает опасно, руку не вырывает. Ей всяко с ним милее, чем в детском доме. И племянница это понимает.

– Заберёшь или нет? – рывкает женщина, подпирая внушительные бока.

Он морщится, потирая переносицу, башка от вчерашних посиделок с мужиками просто раскалывается. Хорошо хоть проспался, не тащит спиртом на весь район.

– Рай, какой мне ребёнок? Ты серьёзно сейчас? – хрипит, смиряя её недовольным взглядом.

– Так не моя сестра померла! Я б с радостью Наташке её отдала, да сам знаешь, как дела обстоят, – говорит тётя Рая, опускает мясистые пальцы на поверхность стола. – Давай так, Студнев: либо в детский дом, либо к тебе. Мне тоже нянчиться некогда, своих внуков трое.

Юлька с мужем попали в аварию, никто не выжил. Дочка их тогда с бабушкой была, а ту от новостей хватил инфаркт. Так Серёга потерял и сестру, и мать. Хотя, можно

считать, он потерял их куда раньше, когда связался «не с теми людьми», как любила говорить матушка.

Вентилятор мерзко жужжит, усиливая мигрень, ему хочется завалиться спать часов эдак на пять, но едва ли скоро получится. Рая – соседка матери с верхнего этажа, работает в опеке. И, раз так получилось, сразу связалась с ним.

– Куда я её? Ей сколько там: четыре? – отпирается он, прикидывая в памяти возраст мелкой. Видел её в последний раз у родильного дома. С Юлькой они не то чтобы хорошо ладили.

– Семь, Студнев, мог бы запомнить, – огрызается тётка Рая. – Как куда? В квартиру твою. Жилплощадь есть. Неужто племяшку бросишь?

Он выдыхает. Серьёзно? Семью не заводит из-за работы, а тут дитё без матери. Не с собой же на разборки брать. Мужики засмеют, да и небезопасно.

– Я пью, дома не бываю, – кривится Серёга, не зная, как лучше отказать.

– Бросишь, – ультимативно заявляет эсеница, придвигая к нему папку с документами. – Тут подпись поставишь, в суд явишься, там помогу.

Он упирается локтями в колени, кладёт на руки тяжёлую голову. И ведь, правда, как мелочь в детдом отправить? Юлька его с того света проклянёт. Похороны ещё организовать надо. Чёрт!

Сашка глядит на него исподлобья, от еды отказывается.

Он со злостью бросает ложку в суп, на скатерть попадают жирные капли.

– Ну и голодай! – настроение отвратное. Салаги какие-то денег у начальника заняли, а ему идти долг выбивать.

– И буду! – девчонка вздёргивает подбородок, сверкая глазами серыми, совсем как у покойной Юльки. У Серёги они синие – в отца, а сестра унаследовала цвет от матери.

Таращится волчком. Не взрослым хищником, совсем щенком: опаслив этот взгляд, недоверчив, точно ждёт подлянки какой от него. Не плачет ведь, пусть, наверное, и должна. Это ведь нормально: реветь, когда теряешь близких.

– Одна сегодня будешь. Никому дверь не открывать. Понятно? – наказывает строго, потирая колючую щетину.

Мелкая вскакивает со стула и, громко топая, убегает к постели. Ему кажется, что жизнь станет чуточку проще, когда начнётся школа. Сейчас июль, каникулы. Серёге уже тошно от её постоянного присутствия. В его маленькой квартирке просто нет места для других людей.

Его уже ждут у подъезда пятиэтажки, где проживает должник. Он выбивает нож из рук первого, ударяет под дых, мальчишка со свистом выпускает воздух из лёгких, согнувшись пополам.

– Эй, мужик, отвали от него! – рывкает второй, заходя за спину.

Серёга следит за движениями. Салаги совсем: ни опыта

за плечами, ни мозгов, ни согласованности в действиях. Ему после службы оно не страшно. Страшно другое: когда бомба разрывается в метре от тебя, а товарища собирают по частям, вынимая осколки. Когда нет времени оплакивать почившего солдата, потому что их таких будут ещё десятки, потому что, зазевавшись, легко станешь одним из тех, кто отправится домой в гробу... если будет, что отправлять.

– Ты Суслов? – спрашивает долговязого парня пропитого вида, тот часто мотает головой, явным отрицанием подтверждая догадку. Описание он получил от начальника за пару дней до. – Деньги давай. Тебе по-хорошему говорили, просили люди добрые. А ты что?

Его дружок бросается, пытаюсь попасть в голову, но Серёга, легко увернувшись, заламывает руку, с безразличием наблюдая, как тот орёт.

– Слыш, я это, всё верну! – пасует Суслов, слыша хруст чужого плеча. Зассал сразу, испугался боли. Не за ближнего своего, вовсе нет. За себя боится, падла.

– Вернёшь. Прямо сейчас. Знаю, деньги есть. Тачку на днях продал. Сколько там за «BMW» после таксы платят? – усмехается Серёга. – Если не вернёшься в течение трёх минут, измельчу им все кости. А затем приду за тобой, – шейей хрустит, сохраняя хват на кисти пацана.

– Сейчас – сейчас, я мигом! – кивает, точно сломанный болванчик, поглядывая то на Серёгу, то на дружков.

– Время пошло, Суслов, быстрее беги, – цедит он, кивком

указывая в сторону подъезда.

Чуть позже перечитывает деньги в пакете: их там триста пятьдесят штук. Ровно столько, сколько должен начальству. Естественно, в три минуты мальчишка не уложился, но едва ли он действительно хотел их калечить. Дураки. Нельзя занять у Генки и не отдать, об этом все знают. Но, видимо, эти либо понадеялись на случай, либо просто мозгов не имели. Одним словом, облажались.

Дома его никто не встречает. Сашка сопит, свернувшись калачиком на середине полуторки. Он с тоской думает о том, что вскоре придётся купить новый диван. Идёт на кухню прямо в ботинках, шаркая подошвами по линолеуму, достаёт из холодильника коньяк, садится на стул, долго вглядывается в бутылку. И убирает обратно подальше от греха. Ему утром ещё мелкую в поликлинику вести, кашляла ужасно. Кто ж знает, может, серьёзное что. Негоже девку губить, как только к себе взял.

Волчик свыкается постепенно, не в один миг, нет, но через полгода уже не глядит на него исподлобья недоверчиво, ластится к рукам, когда встречает с учёбы, лезет под бок перед сном. Серёга гнал её, гнал, да так и сдался. Пусть лежит, ему то что? Правда, смотреть приходится вместо матча мультфильмы и мириться с толчками острых локтей по рёбрам.

Зверёнышем прятаться по углам перестала, а кличка так и осталась, прилипла что ли. Для него она всегда теперь будет

волчином: маленьким, потерянным, загнанным в угол, но всё же скалящим молочные клыки.

Мужики только вздыхали. Генка как-то сказал: «На кой тебе девка, Серый? Ты ж губишь себя, погубишь и её. Пусть в детдоме живёт, а ты таскай всякое. Так лучше будет». Ох он тогда на начальника обозлился, сам не помнил, как вспылал, за грудки хватанул. Его это девчонка, его! Не место ей среди беспризорников, бес знает, что там внутри стен творится. С ним вырастет. А коли он помрёт, ей квартира останется, тётя Рая присмотрит, чтобы своё она получила, никто к лапам добро не прибрал.

– Дядь Серёж, а вы и сегодня на работе задержитесь? – спрашивает Сашка, поправляя лямки рюкзака. Смешного такого – фиолетового с рисунком птичек.

Он хмыкает, глядя на её криво-косо заплетённые косы, которые сам же с час назад соорудил.

– Да, Саня, ночью вернусь, ты уж спать будешь. Двери только запри, хорошо? – посмеивается, наблюдая за сменой эмоций на её лице. Девчонка всегда расстраивается, когда у него появляются «дела». – Доберёшься сама до дома? – идти всего – ничего, двор лишь. Несколько раз она уже возвращалась без его сопровождения. Попервой тётя Раю просил, однако у неё тоже своих дел по горло: дети взрослые у неё живут, внуки. Откуда время на чужих брать?

– Доберусь, не маленькая, – важно заявляет Сашка и тут же хмурится. – Но ты осторожнее, – жалостливо так, тону-

сенько тянет она, а у самой глаза на мокром месте.

Серёга аж перепугался, присел рядом, за руки её взял. Маленькие они у неё, хрупкие, совсем как сук на сухой ветви, не доглядишь, раз – и переломятся.

– Ты чего, волчик? Я у тебя сильный, – произносит он, а сам в глаза её штормовые смотрит, ищет причину, но так и не находит ничего, кроме искреннего беспокойства. – Ты что себе там надумала? Вернусь я, правда.

Девчонка хлюпает носом, моргает, взгляда не отводит. Оттого он придаёт себе серьёзный вид, крепче стискивая её пальчики.

– Мама тоже говорила, но не вернулась. Поклянись!

Он едва сдерживается, чтобы не улыбнуться. Это, оказывается, приятно: видеть беспокойство других о себе.

– Клянусь! – проникновенно заверяет Серёга, отпуская детскую ладонь, предлагает взамен мизинчик. Сашка переплетает его со своим.

– Ты пообещал! – восклицает она, а он хмыкает под нос и треплет её по макушке. – Ну! Дядь Серёж, причёску испортишь!

– Ладно, не трогаю, – фыркает он, поднимаясь на ноги. Было бы там, что портить. Видимо, плести косы – не его. – Идём?

Серёга сдержал обещание, пусть и не целиком. Помнил о том, что его ждут, получая ножевое, разбивая голову мудаку

в переулке, плутая по улицам на пути к больнице.

Истекал кровью и шёл. Потому что дома за него переживал маленький волчок.

Как она без него? Время давно перевалило за полночь. Вряд ли спит. Последние несколько месяцев Сашка всегда дожидалась. Оттого он перестал заседать с мужиками, перестал ходить по бабам в поисках лёгких утех, перестал напрашиваться на работу, если начальник сам её не давал. Да много чего делать перестал. И причина тому одна. Это он понимает особенно ясно, слушая пиликание аппаратуры в палате. Теперь в его жизни нет места незаконному заработку. Ему нужно уйти, иначе в один из таких дней он просто не вернётся. Нарушит клятву, хочет того или нет.

Генка отпустит, он не изверг какой, свои все ребята, спины друг другу доверяют. Поймёт, обязательно поймёт, у него дочка чуть старше Сашки.

Дверь открывается, в помещение входит врач, тетя Рая и заплаканная девчонка. Его девчонка.

– Дядь Серёжа! – кричит она, а затем сразу всхлипывает.

Он коротко улыбается, пытаясь сесть, но грудь простреливает, из-за чего Серёга едва сдерживает стон.

– Куда?! – почти рычит доктор, одним взглядом пригвоздив его голову обратно к подушке. – Рано тебе ещё ходить. Лежи спокойно! – и он, взрослый мужик, слушает.

Тётя Рая гладит Сашку по макушке, к нему не пускает, обнимая ребёнка за плечики.

– Да в порядке я, в порядке, – заверяет он, силясь хоть как успокоить мелкую.

– Будешь. Через месяц или два. А пока только покой. Добегался, – в голосе человека в белом халате мелькает осуждение, но ему плевать.

Он глядит только на волчика. Заплаканную с покрасневшими белками, одетую абы во что. И ему абсолютно всё равно на всех, кроме неё. Он не выдержит, если её глаза изменятся, если там появится такое знакомое презрение. Просто не сможет.

Как же он теперь без неё? Никак. Ответ прост, лежал на поверхности.

– Иди сюда, мелочь, – басит он, протягивая ладонь.

– Не положено, – наседает доктор, пресекая попытку к нему приблизиться.

– Слушай, не буду я делать резких движения, хорошо? Дай нам пару минут, – просит Серёга. В кой-то веке просит. Никогда ничего не просил.

Что-то мужик видит в его взгляде, отступает.

– Дядь, ты поправишься? Поправишься ведь, да? – шепчет девчонка, подходя к его постели, усаживается на краешек, страшась его потревожить.

Он берёт её руку в свою, подносит к щеке и закрывает веки.

– Поправлюсь, Сашка, куда ж я от тебя денусь?

Покой растекается по его венам. Не пустота, как раньше,

не холод едкий. Ему перестали сниться смерти товарищей на той войне. Их отгоняют меткие локти девчонки с волчьими глазами.

Пожалуй, с её появлением в его квартире он воскрес из мёртвых, ведь ранее напоминал живой труп.

Сашка – его благословение. И он не собирается от него отрезаться.